

УДК 303.1

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИИ ЖИЗНИ

Тощенко Жан Терентьевич

Член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Социологические исследования», декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, e-mail: zhantosch@mail.ru

CIVIL SOCIETY AS AN OBJECT OF THE SOCIOLOGY OF LIFE

Toshchenko Zhan T.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Editor-in-Chief of «Sociological Research»; Dean of the Faculty of Sociology, Russian State Humanitarian University, Moscow, e-mail: zhantosch@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению гражданского общества как объекта социологии жизни. Автор высказывает идею о том, что объектом социологии вообще и социологии жизни в частности является именно гражданское общество. Анализируется генезис идей о гражданском обществе в рамках концепций социального государства, общества благосостояния (благоденствия), общества потребления, концепции постиндустриального общества и информационного общества, теории и практики социального партнерства, теории конвергенции. Выделяются основные характеристики гражданского общества как объекта социологии жизни. К таковым автор относит реализацию социальных идей о взаимоответственном и равноправном сотрудничестве, автономный статус общественной и личной жизни, приоритет прав и свобод личности, постоянное согласование социальных интересов всех участников социально-исторического процесса, обеспечение социальной защиты, соблюде-

The article is devoted to the consideration of civil society as an object of the sociology of life. The author expresses the idea that particular the civil society is the object of sociology in general and the sociology of life in particular. The genesis of the ideas about civil society in the framework of the concepts of social state, welfare society (well-being), consumer society, the concept of post-industrial society and the information society, the theory and practice of social partnership, the convergence theory is analyzed. The main characteristics of civil society as an object of the sociology of life are distinguished. According to the author, they are the implementation of social ideas of mutual responsibility and equal cooperation, the autonomous state of public and private life, the priority of individual rights and freedoms, constant coordination of social interests of all the participants of socio-historical process, social protection, respect for human rights and freedoms.

ние прав и свобод человека.

Ключевые слова: социология, социология жизни, общество, гражданское общество, личность. **Keywords:** sociology, sociology of life, sociology, civil society, individual.

Введение

Объектом социологии, как и других социальных наук, является общество. Однако каждая из социальных наук имеет свой аспект его изучения: история исследует общество в его поступательном развитии, экономические науки – развитие национального хозяйства во всем многообразии его модификаций, философия – общие закономерности развития природы и общества, психология – развитие и функционирование индивида и образуемых им групп, общностей и т.д. Необходимость уточнения объекта встала и перед социологией жизни [1] – а какое общество или какой компонент (сферу, аспект) его развития следует ей изучать.

Само понятие «общество» стало достоянием научного знания только в XVIII в. До этого времени оперировали понятием «государство» в его конкретном преломлении: «царство», «княжество», «империя», «ханство», «полис» и пр. Однако к этому времени стало очевидно, что в жизни народов, особенно в Европе, наряду с государством и его олицетворением в виде определенной политической власти возникают оппонирующие силы в лице общественных организаций и движений, самостоятельных, независимых от государства экономических и социальных образований. Иначе говоря, в жизни человечества как предшественник и как состоявшийся результат великих буржуазных революций появилась новая социальная реальность – общество, базирующееся на принципиально новой экономической и политической основе. Именно в этот период начала рождаться и осмысливаться идея не просто об обществе, а о гражданском обществе как наиболее соответствующая становящимся реалиям сущность. Потребности в их осмыслении породили новые концепции и новые выводы, ибо ключевой проблемой гражданского общества стал человек как субъект исторического процесса.

Генезис идей о гражданском обществе

Первым шагом в разработке идей гражданского общества стала концепция социального государства, которая была выдвинута в середине XIX в. и обоснована немецким государственным и экономистом Л. фон Штейном (1815–1890), чьи идеи сохранили свою актуаль-

ность вплоть до настоящего времени. Он исходил из того, что функции государства заключаются в постоянном поддержании равенства и свободы низших обездоленных классов по сравнению с богатыми и сильными, что государство должно заботиться об общественном прогрессе во имя всех членов общества [2, с. 82, 97]. Государство, согласно Штейну, обязано способствовать общественному прогрессу в интересах всех своих граждан, так как в конечном счете развитие одного выступает условием развития другого [3, 4].

Концепция социального государства сохранила свое влияние до настоящего времени. Однако она приобретала новые акценты в своей трактовке, эволюционировав в новую теорию, которую стала олицетворять концепция общества благосостояния (благоденствия). Наиболее полно эти идеи о возможности существования такого общества были высказаны и, на наш взгляд, наиболее наглядно и доказательно выражены Дж.М. Кейнсом (1883–1946) [5]. Однако на практике, в реальной государственной жизни, эти идеи стали использоваться значительно позже – лишь начиная с 40-х гг. XX в. Многие исследователи такой исходной точкой считают «план Бевериджа», представленный британскому парламенту в 1942 г. И несмотря на то что в это время правительство возглавлялось консерваторами, были сделаны первые шаги по осуществлению этого плана, началась разработка законодательной его основы. Уже в 1944 г. в Белой книге было записано, что первоочередной экономической задачей правительства является обеспечение полной занятости, а также вводилось всеобщее среднее образование. Однако в полной мере этот план стал реализовываться лейбористами, когда они пришли к власти в 1945 г. Его суть заключалась в том, чтобы не только обеспечить социальное страхование всех граждан страны, но и гарантировать единый средний доход, которого бы хватило на скромное, но достойное поддержание жизни каждому человеку, живущему в Великобритании. Важной частью этой концепции стало обеспечение социальных гарантий (жилье, медицинская помощь, образование) и занятости. Все эти нововведения вытекали из новой концепции отношений между государством и человеком в обществе рыночной экономики. Эта концепция базировалась на признании необходимости расширенного государственного вмешательства для смягчения наиболее пагубных последствий, причины которых крылись больше в самой капиталистической системе, чем в деятельности отдельных исполнителей.

Особый этап в разработке идей гражданского общества олицетворяет концепция общества потребления, которая родилась в 60–70-е гг.

XX в. в ходе научно-технической революции, борьбы профсоюзов за права работников. К этому времени в реальной жизни в обществе благоденствия получил распространение стандартный семейный бюджет, гарантирующий благополучие и достойное потребление не только работнику, но и членам его семьи. Такое социальное положение связывалось с такими изменениями в жизни людей, как рост доходов, существенно повлиявший на структуру потребления (все больше средств тратится на товары длительного пользования, а не товары повседневного спроса), со снижением продолжительности рабочего дня и ростом свободного времени. Особую роль играло то, что формирование социально-классовой идентичности смещается со сферы труда в сферу досуга, к индивидуализации потребления. В этот период сложилась экономика потребителя (а не производителя), в которой не предложения формируют спрос, а, напротив, спрос формирует предложение. Вместе с тем эти теория и соответствующая политическая практика повлияли на рост культуры производства, на уровень и качество потребления, на использование в личной жизни товаров длительного пользования. Особенно это важно было для молодых семей, которые в результате развитого потребительского и ипотечного кредита получили доступ для организации нормальной личной (частной) жизни с первых лет своего существования. Несомненно, это тоже отражало социальные гарантии, которые входили в представление о гражданском обществе [6–8]. Однако эта концепция способствовала фетишизации потребления сначала стандартных бытовых товаров и услуг, а затем и престижных их аналогов, что привело к господству «власти» и «тирании вещей», к искажению представлений о реальных ценностях человеческой жизни. Индивидуальное потребление отражало уже не только социальное положение, но и социальный статус, социальные (а не только индивидуальные) особенности образа жизни [9].

Однако поиск и обоснование идей гражданского общества шли и по другим каналам научного осмысления. Немалая заслуга в обосновании этих идей принадлежит концепции постиндустриального общества, основоположником которой считается Дж. Белл. В своей книге «Грядущее постиндустриальное общество» он обосновал тезис, что после первого этапа исторического развития человечества, когда в основе развития лежал аграрный сектор, и после второго этапа, отличительной особенностью которого было доминирование промышленного сектора, наступил третий этап, ознаменовавший выдвижение на первый план сферы услуг. Причем Белл понимал сферу услуг шире, чем идеологи общества благосостояния, – в нее он включал не только потребление

товаров, но и услуги в сфере знания, качественные изменения в образе и стиле жизни. В соответствии с этим он ставил под сомнение существование прежней социально-классовой структуры, доказывая, что исчезновение классов коррелирует с доступом большинства людей не только к материальным, но и культурным благам. Кроме того, автор концепции постиндустриального общества настаивает на том, что наступила эра плюралистической демократии с одновременным повышением эффективности работы государственных институтов и структур. Это, в свою очередь, приводит к тому, что социальные и классовые конфликты замещаются другим основным конфликтом – между знанием и некомпетентностью, эффективностью и неэффективностью [10].

Преодолеть некоторые ограничения теории и практики постиндустриального общества была призвана концепция информационного общества, принципиальные идеи которой появились как реакция на ограниченность теорий общества благоденствия, общества потребления и постиндустриального общества. Этот термин, впервые предложенный в 1940-е гг. японским теоретиком К. Коямой и развитый в 1960-е гг. его коллегами К. Куросавой и Т. Умесао, стал достоянием не только научного знания. Эти идеи были воплощены в принятой в Японии в 1972 г. программе «План информационного общества: национальная цель к 2000 г.» [подробнее см.: 11]. Практически одновременно с ними эти идеи обосновывались Ф. Махлупом, Й. Масудой, Т. Стоуньером, Р. Катцем и др. [12–17].

Значителен вклад в развитие идей гражданского общества теории конвергенции, обоснованной в 40–60-е гг. XX в., которая возникла как альтернатива угрозе Третьей мировой войны, историческому абсурду дальнейшей дивергенции. Конвергенция (от лат. *convergere* – «сближаться, сходиться») – теоретическая концепция, согласно которой социализм и олицетворяющие его страны постепенно становятся более либеральными, а капиталистические страны – более социалистическими, в результате чего должна возникнуть усреднённая социально-экономическая система, сочетающая принципы социализма и капитализма (например, плановую экономику и политическую демократию соответственно). В более широком смысле эта концепция доказывала увеличение сходства между различными обществами, находящимися на одной стадии исторического развития, попыток устранения внеэкономического неравенства, сглаживания социальных конфликтов, осуществления демократических преобразований [18, 19].

Наконец, развитию идей гражданского общества способствовали теория и практика социального партнерства, под которым подразуме-

вალაშ ვოზმოჟნოშტა სოგლასოვანია ინტერესოვ ვეშ ოსოვნიშ სუბიექტოვ ისტორიკოსო პროცესა – ობშესტვა ვ ლიკე სოციალურიშ გრუპიშ ობშესტოვთა, ლიკნოშტი (ინდივიდა), გოსუდარესტვაშ ო ბიზნესა. ნეკოტორე იდეი ოთიშ კონცეპციი ვოხოდატ კ რაზრაბოტკაშ Ⴀ. ბერნშტეინა, ლ. ბლანა, პ. პრუდონა. ნა პერვიშ Ⴀტაპიშ სოციალურიშ პარტნერესტოვო რასსატრირივალოსჲ კ ტიპ სოციალურიშ ვაიზმოდეივტივა, კოტორიშ ჲარაქტერივოესჲ სპოსობოვ რეგულიროვანია ობშესტოვნიშ, პრეჟდე ვეგო ტრუდოვიშ, ოთნოშენიშ მეჟდუ ბოლშიშ გრუპაშ ო სლოიაშ ნასელენია, ვ კაშტინოშტი მეჟდუ პრედიპრინიმატელიშ (რაბოტოდატელიშ), ნაემნიშ რაბოტნიკაშ ო გოსუდარესტოვო. სოციალურიშ პარტნერესტოვო ორიენტიროვოე ნა იშ რავნოპრავურიშ სოტრუდნიკესტოვო, ნა სოგლასოვანურიშ რეშენიე ვეშ პრობლემურიშ ო ვაჟნიშ დია კაჟდოიშ იშ სტორონიშ ვოპროსოვ, პოიშკ სოგლასიე ო დოსტიჟენიე კონსენსუსა. ვ Ⴀკონომიკოსო ოთნოშენიე სოციალურიშ პარტნერესტოვო პრედიპოლავოე მატერიალურიშ ო მორალურიშ სტიმულიროვანია ვაინტერესოვანნიშ ნაემნიშ რაბოტნიკოვ ვ როსტე ტემპოვ პროიზოვოტოვია, პროიზოვოტელიშტი ტრუდა ვო იმაე ობესეკენია ოსლოვიშ, ნეობჟიდიშ დია როსტა პრიბილი რაბოტოდატელიშ ო ვალოვიშ პროდუქტა დია გოსუდარესტოვო, პოვოშენია ორენია ო კაქესტვა ჲიჟნიე ლოდეი. სოციალურიშ პარტნერესტოვო, ბუდუკი მნოგომერნიშ პროცესოვ, პრედიპოლავოე პოიშკ ოპტიმიზაციი ოთნოშენიშ მეჟდუ Ⴀტიშ დეივტოვოეშტი სილაშ.

პოვოდა იტოგ ანალიზუ რაზლიკურიშ კონცეპციიშ, ტაკ ილი ინაკე ვოხოდაჟიშ კ სტანოვლენიე ო რაზვიტოე გრაჟდანიკოსო ობშესტოვა, მოჟნო სკაჟატ, კო იმენიო Ⴀთო მნოგოობრაიე პოჟდოვო ო ჲარაქტერიშტიკ კ პრობლემაშ ორგანიზაციი ობშესტოვნიშ (პუბლიკურიშ) ო ლიკნიშ (კაშტინურიშ) ჲიჟნიე, იშ ოპრედილენია ნაქესენიოშტი ნა რეშენიე ნაზრევიშტი სოციალურიშ პრობლემ პრიველი კ ტოვო, კო პოსტეპენიო სფორმიროვალოსჲ ცელოსტნოე პრედისტავლენიე ო გრაჟდანიკოსო ობშესტოვო, კო პოვოლიო ვ ბოლეს ვაზერშენიშ ვიდე ოსმოსლენიე ვეშ მნოგოობრაიე პროიშკოდაჟიშტი Ⴀმენენიშ.

Ⴀსოვნიე ჲარაქტერიშტიკი გრაჟდანიკოსო ობშესტოვა კაკ Ⴀბიექტა სოციოლოგიი ჲიჟნიე

გრაჟდანიკოსო ობშესტოვო – Ⴀთო რეალიზაციე სოციალურიშ იდეი ო ვაიზმოოტოვსტოვნიშ ო რავნოპრავურიშ სოტრუდნიკესტოვო გოსუდარესტოვა ო ოპოპონიროვოეშტი Ⴀუ სილ ვ ლიკე ობშესტოვნიშ ორგანიზაციიშ, დვიჟენიშ ო Ⴀბიედიენიშ. კონეკნი, Ⴀთოტ პროცესოვ პროიშკოდილ ნე Ⴀდნოჟნიკნი ო ნე Ⴀდნოვრეშენიო, პო-რაზნოვო სკლადვივაოსჲ ვ რაზლიკურიშ სტრანაშ. Ⴀსობენიო ნაგლიდნო Ⴀბ Ⴀთოტ გოვოროტ ისტორია ვოზნიკნოვენია ო რაზვიტია პროფ-სოიუზნიკოსო დვიჟენია. იმენიო Ⴀთოტ ფენომენ სტალ რეზულტატოვ პრევირაშენია ვ პერვიუ Ⴀჩერედი რაბოკე კლასა იშ «კლასა ვ სებე» ვ «კლასა დია სებე». ნაჩინია ს მელკიშ Ⴀბიედიენიშ დია ვაშტილთა სოვიშ ინტერესოვ ვ რამკაშ კონკრეტურიშ პრედიპრიატიაშ, ა ვაშემ Ⴀდელურიშ ტერიტორიიშ, Ⴀნი

постепенно превратились в силу, с которой стали считаться руководители государств и бизнеса.

Не менее показательна и история появления и превращения в реальную общественную силу политических партий. Так, если политические партии во Франции стали реальностью практически в период Просвещения, то в Германии они получили права гражданства лишь во второй половине XIX в., как и в Италии, чему способствовало (как и в ряде других европейских стран) формирование самостоятельных национальных государств. Несомненно, их возникновение, появление и укрепление особенно выпукло проявлялись как результат революционных преобразований (США, Франция). На этот вопрос отвечает и история появления политических партий в России в период созревания революционной ситуации накануне первой русской революции 1905–1907 гг. [20].

В современный период практически все государства поставлены в такое положение, когда ни одно из них нельзя представить без участия в решении судьбы страны политических партий, профессиональных организаций, многочисленных добровольных объединений, выражающих свои специфические интересы в экономике, культуре, спорте и т.д. Однако эта черта гражданского общества далеко не всегда отражает реальность, не всегда соответствует этому принципу. Так, исследователи современного российского общества по-разному интерпретируют степень зрелости гражданственности этого общества. В качестве измерителя нередко берется количество людей (населения), которых можно отнести к так называемому среднему классу. По данным различных исследователей, эта цифра колеблется от 7–10 до 40–45 %. Однако, несмотря на такой разброс, все сходятся в том, что говорить о полностью реализованном требовании о взаимном учете интересов государства и общества еще не приходится [подробнее см.: 21–24].

В гражданском обществе общественная (публичная) и личная (частная) жизнь имеет автономный статус, который построен на взаимном учете социальных интересов. Более того, частная жизнь выводится из-под контроля государства и все больше регулируется социально-нравственными установками, одобренными обществом ценностями, ориентированными на человека. Но эта черта гражданского общества реализуется достаточно противоречиво. Текущая политическая и социальная жизнь практически в каждой стране встречается с различными коллизиями, которые, на наш взгляд, сталкиваются с разным пониманием и применением граней нравственного и правового поведения. Именно степень согласованности моральных и правовых прин-

ципов в организации общественной и личной жизни выступает тем мерилом, когда люди признают/не признают автономность своего существования. В условиях России, где сильны традиции патернализма, люди больше, чем в других европейских странах, склонны трактовать свою автономность скорее в социально-культурном, чем социально-экономическом, ключе. Поэтому россияне считают ответственным государство за отсутствие гарантий занятости, за слабую социальную защиту, за низкий жизненный уровень многих социальных групп. Особенно эта оценка обостряется в период кризисов. Так, только за 2014 и 2015 гг. произошло увеличение численности находящихся за чертой бедности с 12 до 22 млн. Поэтому неудивительно, что именно боязнь потерять работу, стать безработным беспокоит россиян в первую очередь наряду с ростом цен [25].

Гражданское общество – это общество, в котором неотъемлемым приоритетом пользуются права и свободы личности, что позволяет дистанцироваться от националистических, теократических и охлократических тенденций. Иначе говоря, актуальной ценностью продолжает оставаться лозунг, провозглашенный еще в период Французской революции конца XVIII в., – «Свобода, равенство, братство». Однако в реализации этой черты гражданского общества не все так однозначно. Возьмем такой показатель, как женское избирательное право, право на участие в голосовании. Оказалось, что путь к реализации этого права был достаточно тернистым. Даже во Франции это право было реализовано только в 1944 г. (если не считать решение Парижской коммуны в 1871 г. о предоставлении равных прав женщинам наряду с мужчинами). В настоящее время это право введено в большинстве стран мира. Только отметим, что одними из первых женское избирательное право ввели Новая Зеландия (1893), Австралия (1902). В Германии это было осуществлено в 1918 г. В Великобритании такое право после долгих лет борьбы было представлено окончательно только в 1928 г. В России в 1906 г. такое право было предоставлено женщинам Великого княжества Финляндского, но окончательно в 1917 г. Последней страной, которая реализовала это право, была прославленная своим демократическим устройством Швейцария (!), которая только в 1971 г. (!) признала это право. Но даже в этой стране не все ее кантоны сразу признали это требование закона: такой кантон, как Аппенцель-Иннерроден, уравнял женщин в правах с мужчинами лишь в 1991 г. Что касается других стран мира, одними из последних признавших за женщинами право голоса стали Кувейт (2005), Объединённые Арабские Эмираты (2006) и Саудовская Аравия (2011) [подробнее см.: 26–28].

Гражданское общество – это общество, в котором постоянно расширяются возможности самоуправления во всех его видах и проявлениях, что создает максимум условий и возможностей для соучастия людей в делах общества и государства.

Что касается местного сообщества как субъекта управления, то оно только начинает институционально формироваться. Подтверждением этого служат данные многочисленных социологических опросов. Срезы всероссийского исследования «Демократия и местное самоуправление», проведенные в 1995, 1999 и 2005 гг., при определении уровня ответственности жителей как хозяев населенных пунктов вызвали большие дискуссии. Ибо среди основных субъектов власти (государственные и муниципальные органы власти, общественные и политические организации, население) в решении локальных проблем жителям отводилась последняя роль. Они лишь условно включаются в процесс реального исполнения функций местного самоуправления, считая в большинстве случаев ответственными за их исполнение государственные органы власти. Практически получалось, что за населением, точнее, под его официальным прикрытием как основного субъекта власти, постоянно шла борьба не столько за формирование и развитие различных форм участия жителей в решении местных проблем, сколько за независимость органов власти различных уровней на территории городов (районов, сел).

Отсюда социальные противоречия, присутствующие на протяжении последней четверти века в области взаимоотношений общества и власти, выражающиеся в целом ряде нерешенных вопросов (разграничение полномочий, финансовые, кадровые и пр.), которые негативно отражались и отражаются на жизни россиян. Этот вывод подтверждают и участники общероссийского совещания советов муниципальных образований субъектов Федерации (Москва, 2015), заявившие, «местное самоуправление наиболее успешно развивается в тех регионах, руководители которых имеют собственный опыт работы в муниципалитетах. Нужна разработка такой организации органов местного самоуправления, которая не зависела бы от личных качеств губернаторов» [цит. по: 29]. Несоответствие образа местной власти в представлениях чиновников и населения, которые видят не столько власть муниципальную, сколько власть вообще, по существу государственную, очевидно.

Гражданское общество – это постоянное согласование социальных интересов всех участников исторического процесса, его основных сил, достижение и реализация принципов конвенционализма. Особенно это проявляется в феномене доверия. По данным исследования

жизненного мира россиян в 2014 г., среди их ценностных приоритетов очень важными в жизни являются семья (95 %), работа (69,4 %), друзья (60,1 %). При этом, если круг близких знакомых пользуется значительным доверием, противоположная тенденция наблюдается в отношении представителей местных органов власти, политических партий, церкви, профсоюзов. Лишь небольшая доля респондентов (2,1–5,9 %) готова обратиться к данным адресатам, оказавшись в трудном положении. Россияне не рассчитывают на обезличенную помощь представителей политических институтов, церкви, профессиональных трудовых союзов. Столкнувшись с проблемами, люди пытаются решить их в одиночку или ищут помощи в пределах малых групп – у друзей и близких знакомых. Тем самым социальные связи и сети, являющиеся основой развития социального капитала, остаются недостаточно развитыми в российском обществе. В то же время высокий уровень доверия близким в сочетании с традиционно высокой ориентацией россиян на государственный патернализм отражает наличие по отношению к обществу и государству запроса на поддержку, который не удовлетворяется и приводит к разочарованию в деятельности государственных институтов, формированию убежденности, что в трудной ситуации можно рассчитывать только на себя и узкий круг знакомых [30, с. 35].

И наконец, гражданское общество – это общество, которое обеспечивает социальную защиту, гарантирует соблюдение прав и свобод человека. Причем не просто некоего абстрактного человека, всех без исключения людей, в первую очередь тех, кто составляет большинство народа [31]. Но, как показывают социологические исследования, для соблюдения социальной справедливости еще очень далеко, хотя она понимается людьми по-разному, в зависимости от многих условий и факторов. Иначе говоря, в сознании людей существует много представлений – и самых разных – о справедливости. Общим является то, как человек воспринимает и оценивает отношение к нему со стороны государства и общества, какое мироощущение формируется у него при взаимодействии с той организацией, в которой он работает, учится или периодически контактирует, а также теми, с кем он непосредственно общается в повседневной жизни.

Заключение

Возникновение гражданского общества означало принципиально новый тип общественных отношений, при которых каждый человек независимо от сословной и национальной принадлежности, вероисповедания, материального положения мог претендовать на полноправное участие в решении всех без исключения общественных проблем. И хотя

это положение не сразу и не во всех странах полностью реализовано до сих пор, но именно оно служит ориентиром для становления и развития демократии, отстаивания прав и свобод человека. Именно гражданское общество породило (сделало востребованной) социологию, когда стало очевидным, что в его строительстве призваны участвовать не только цари, ханы, короли, военная, религиозная и светская знать, но и все люди, чей голос должен быть услышан при осуществлении любых изменений в государственной и общественной жизни. Именно ориентация правящих слоев на знание того, к чему стремятся большинство людей, чего они желают, видят ли они перспективу в своей жизни, является одним из важнейших условий существования гражданского общества.

Все это позволяет сделать вывод, что гражданское общество – это совокупность организованных, исторически сложившихся форм совместной социальной жизнедеятельности (наряду с официальной государственной деятельностью), определенных общечеловеческих ценностей, которыми руководствуются люди и каждый человек в своей общественной (публичной) и личной (частной) жизни.

Именно это гражданское общество и становится объектом социологии как науки. Его возникновение и функционирование тесно связаны с демократическим устройством государственных отношений. В связи с этим важно отметить, что общество в современном мире существует во всех странах, но не во всех обществах оно выступает как гражданское общество [подробнее см.: 32, с. 324–340]. Это коррелирует с тем важным признаком, что только при существовании гражданского общества востребована социология, она играет роль в познании этого общества, участвует в той или иной мере в регулировании общественных отношений.

Литература

1. *Тощенко Ж.Т.* Эволюция идей социологии жизни // Гуманитарий Юга России. 2016. № 2.
2. *Милецкий В.П.* Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России // Политические процессы в России в сравнительном измерении. СПб., 1997.
3. *Евстратов А.Э.* Социальное государство и политический режим // Вестник ОмГУ. Право. 2014. № 4 (41).
4. *Кочеткова Л.Н.* Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. № 3 (51).

References

1. *Toshchenko Zh.T.* Evolyuciya idey sociologii zhizni // Gumanitariy Yuga Rossii. 2016. № 2.
2. *Miletskiy V.P.* Social'noe gosudarstvo: evolyuciya idey, sushchnost' i perspektivy stanovleniya v sovremennoy Rossii // Politicheskie processy v Rossii v sravnitel'nom izmerenii. SPb., 1997.
3. *Evstratov A.E* Social'noe gosudarstvo i politicheskiy rezhim // Vestnik OmGU. Pravo. 2014. № 4 (41).
4. *Kochetkova L.N.* Teoriya social'nogo gosudarstva Lorenca fon Shteina // Filosofiya i obshchestvo. 2008. № 3 (51).

5. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2002.
6. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 1998.
7. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.
8. Baudrillard J. The Consumer Society. Myths & Gtuctires. L.; N.Y.; Delhi, 1998.
9. Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПб., 2008.
10. Белл Дж. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
11. Karvalics L. Information Society – what is it exactly? (The meaning, history and conceptual framework of an expression). Budapest, 2007.
12. Machlup F. The production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton, 1962.
13. Dordick H.S., Wang G. The Information Society: A Retrospective View. Newbury Park; L., 1993.
14. Porat M., Rubin M. The Information Economy: Development and Measurement. Washington, 1978.
15. Masuda Y. The information Society as Post-Industrial Society. Washington, 1981.
16. Stonier T. The Wealf of Information. L., 1983.
17. Katz R.L. The Information Society: An International Perspective. N.Y., 1988.
18. Gaitonde V.A. An Answer to the Theory of Convergence // Social Scientist. 1974. Vol. 3(5). P. 38–51.
19. Lauterbach A. The 'Convergence' Controversy Revisited // Kyklos. 1976. Vol. 29(4). P. 733–754.
20. Зевелев А.И. (ред.) История политических партий России. М., 1994.
21. Голенкова З.Т. (ред.). Социальная стратификация российского общества. М., 2003.
22. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011.
23. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 2003.
24. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М., 2007.
25. Левашов В.К. Реформы и кризисы: тридцать лет спустя // Социологические исследования. 2015. № 10.
5. Keynes J.M. Obshchaya teoriya zanyatosti, procenta i deneg. M., 2002.
6. Bodriyyar Zh. Obshchestvo potrebleniya. M., 1998.
7. Markuze G. Odnomernyy chelovek. M., 1994.
8. Baudrillard J. The Consumer Society. Myths & Gtuctires. L.; N.Y.; Delhi, 1998.
9. Il'in V.I. Potreblenie kak diskurs. SPb., 2008.
10. Bell J. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. M., 1999.
11. Karvalics L. Information Society – what is it exactly? (The meaning, history and conceptual framework of an expression). Budapest, 2007.
12. Machlup F. The production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton, 1962.
13. Dordick H.S., Wang G. The Information Society: A Retrospective View. Newbury Park; L., 1993.
14. Porat M., Rubin M. The Information Economy: Development and Measurement. Washington, 1978.
15. Masuda Y. The information Society as Post-Industrial Society. Washington, 1981.
16. Stonier T. The Wealf of Information. L., 1983.
17. Katz R.L. The Information Society: An International Perspective. N.Y., 1988.
18. Gaitonde V.A. An Answer to the Theory of Convergence // Social Scientist. 1974. Vol. 3(5). P. 38–51.
19. Lauterbach A. The 'Convergence' Controversy Revisited // Kyklos. 1976. Vol. 29(4). P. 733–754.
20. Zevelev A.I. (red.) Istoriya politicheskikh partiy Rossii. M., 1994.
21. Golenkova Z.T. (red.). Social'naya stratifikaciya rossiyskogo obshchestva. M., 2003.
22. Gorshkov M.K. Rossiyskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sociologicheskoy diagnostiki). M., 2011.
23. Radaev V.V., Shkaratan O.I. Social'naya stratifikaciya. M., 2003.
24. Tikhonova N.E. Social'naya stratifikaciya v sovremennoy Rossii: opyt empiricheskogo analiza. M., 2007.
25. Levashov V.K. Reformy i krizisy: tridcat' let spustya // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. № 10.

26. Ruiz B.R., Marín R.R. The Struggle for Female Suffrage in Europe: Voting to Become Citizens. Florence, 2012.

27. Rappaport H. Encyclopedia of women social reformers. Santa Barbara, 2001.

28. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.

29. Цветкова Г.А. Открылась ли новая страница в истории взаимоотношений власти и общества // Управление в XXI веке. Белгород, 2015.

30. Кученкова А.В. Межличностное доверие в российском обществе // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 26–36.

31. Степаненко В. Гражданское общество как дискурс и нормативный социальный порядок в социологии Джеффри Александера // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 2.

32. Зборовский Г.Е. Отечественная социология на пути к гражданскому обществу. Екатеринбург, 2014.

26. Ruiz B.R., Marín R.R. The Struggle for Female Suffrage in Europe: Voting to Become Citizens. Florence, 2012.

27. Rappaport H. Encyclopedia of women social reformers. Santa Barbara, 2001.

28. Yukina I.I. Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti. SPb., 2007.

29. Tsvetkova G.A. Otkrylas' li novaya stranica v istorii vzaimootnosheniy vlasti i obshchestva // Upravlenie v XXI veke. Belgorod, 2015.

30. Kuchenkova A.V. Mezhlichnostnoe doverie v rossiyskom obshchestve // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. № 1. S. 26–36.

31. Stepanenko V. Grazhdanskoe obshchestvo kak diskurs i normativnyy social'nyy poryadok v sociologii Dzheffri Aleksandera // Sociologiya: teoriya, metody, marketing. 2006. № 2.

32. Zborovskiy G.E. Otechestvennaya sociologiya na puti k grazhdanskomu obshchestvu. Ekaterinburg, 2014.